

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее
Ничего не возьму с собой
Когда ад замерзнет

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

НИЧЕГО
НЕ ВОЗЬМУ
С СОБОЙ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

Полянская, Алла.
П54 Ничего не возьму с собой / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-101925-9

Бизнесмен Никита Радецкий безумно любил свою жену, красавицу и умницу. Казалось, Габриэлла тоже души не чаяла в супруге. Два года Никита был абсолютно счастлив, а потом его мир в одночасье рухнул. Габриэлла обвинила мужа в постоянных издевательствах и лишила всего: квартиры в центре столицы, престижной работы, друзей и положения в обществе. Никита никак не мог понять, за что ему так изощренно мстит любимая женщина. И даже когда он уехал в другой город, ничего не изменилось. В Интернете было создано сообщество против домашнего насилия, и Никита стал объектом настоящей травли. А потом погиб сотрудник магазина, куда Радецкий устроился на работу, и дело приняло совсем серьезный оборот...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101925-9
Copyright © PR-Prime Company, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Я не встречал в природе жалости к себе.
Любая птаха, *коли с ветки упадет,*
закоченев от стужи,
не испытает жалости к себе!

Д.Г. Лоуренс

1

— Левее, что ты возишься!

Очень сложно между полками с инструментами, мотками кабеля и прочими вещами поместить труп, да еще таким образом, чтобы всякий, кто поднимет голову, сразу его увидел.

— Еще левее. Ага, вот так. Теперь закрепи за верхнюю балку крюком.

Никита смотрит, как тощий парнишка, хватаясь буквально за воздух, тянется крюком к балке. Труп качнулся, и парнишка тоже качнулся, и Никите кажется, что они сейчас рухнут вниз, и трупу-то ничего, а парнишка, пожалуй, что и костей не соберет — пол каменный.

— Я все-таки думаю, это весьма неоднозначная затея.

Никита не любит резко говорить «нет». Поначалу затея с трупом казалась не такой уж и плохой, но, глядя на то, как креативная идея воплощается в жизнь, Никита начал сомневаться.

— Никита Григорьевич, ну что вы! — Анна, старший менеджер, смотрит на манипуляции с трупом горящими глазами. — Реклама пошла, будет много людей!

— Ну да.

Никита наблюдает, как парнишка спускается вниз, а труп плавно покачивается на балке. В глаза бросаются нехоженые подошвы ботинок трупа. Эти

подошвы отчего-то зацепили его — новые рабочие ботинки, которых не может быть у настоящего трупа, пришедшего к месту, так сказать, упокоения «на своих двоих».

Никита покачал головой и отправился к себе.

Конечно, нужно привлекать покупателей. Но нужно ли привлекать их таким экстравагантным способом? Тут Никита сомневался. У старшего менеджера Анны Лепехиной регулярно возникали креативные идеи. Иногда даже слишком креативные.

— Никита Григорьевич, можно к вам?

Старший кладовщик Игорь Недзвецкий. Никита поморщился: парень ему не слишком нравился. Без видимых причин, но уж слишком молчаливым и нелюдимым был Игорь. Хотя кладовщик старательный и склад содержит в образцовом порядке. Поэтому Никита свою антипатию старался прятать. Да и сам себе удивлялся — в целом он к человечеству относился очень позитивно, и такая иррациональная антипатия к кому-то была для него нехарактерна.

— Да, Игорь, входи.

Кабинет, хотя на самом деле это был просто закуток три на три метра, отделенный от торгового зала тонкими стенами из гипсокартона, Никита получил от своего предшественника уже в готовом виде: со всеми канцелярскими принадлежностями, удобным креслом, сомнительной абстрактной картиной и аквариумом. В аквариуме лениво плавали девять крупных телескопов — они казались Никите какой-то инопланетной формой жизни, но иногда было интересно наблюдать за ними, а когда они собирали корм из кормушки, то чавкали, как поросята. Из Никитиных личных вещей в кабинете были только книги, стоящие на полке над аквариумом.

— Садись.

Никита старается даже не смотреть на кладовщика, до того тот ему неприятен. Очень смуглый, тем-

ноглазый, с густыми иссиня-черными кудрявыми волосами и нечистой кожей — все лицо в рытвинах от юношеских прыщей. Про таких говорят: «На нем черти горох молотили». Чувствуется, на лице Игоря черти нарезвились всласть, обеспечив горохом весь ад на годы вперед. И движения рук какие-то суетливые, хотя парень вполне обстоятельный. Но вот просто не хочется на него смотреть, и все тут.

— Да я ненадолго, — кладовщик замялся. — Тут такое дело...

Никита всегда терпеть не мог таких невнятных вступлений, поскольку за ними обычно скрывалось какое-то невероятное дерьмо.

— Не тяни.

— Да я это... — Игорь вздохнул. — Пропали два набора инструментов. Немецких, хороших. Там, где дрель, перфоратор, сверла, ключи, отвертки, накидные головки... В общем, вчера я не обратил внимания — позавчера они точно еще были, я сам пересчитывал. Некоторые позиции я регулярно свожу раз в неделю, чтобы понимать движения по складу. И позавчера их точно было одиннадцать, а сегодня уже девять.

— Может, продали?

— Нет, я проверял, — Игорь снова вздохнул. — Это не мелочовка, Никита Григорьевич. Это серьезное дело: наборы дорогие, и мне за них из своей зарплаты платить не хочется. Хотя я-то не виноват. Это, если что, охранники прощелкали. Вот они...

— Я понял. — Никита чувствует, что начинает раздражаться. — Разберемся. Что-нибудь еще?

— Нет, — Игорь замялся. — Только теперь я переучет на складе хочу сделать. Нашел кое-где нестыковки. Возможно, просто ошибки в документах, а все ж...

— Хорошо, делай. Когда собираешься начать?

— А вот сегодня и начну! — Кладовщик запустил пальцы в шевелюру. — Поставки сегодня планирую-

ются не слишком большие, а завтра-послезавтра и вовсе не будет — выходные же. Ящики с гвоздями постоят и на rampах, ничего с ними не случится. А я тем временем на складе у себя в кабинете сяду, пару кладовщиц возьму в помощь и полностью сведу все накладные. Пойму наконец, что и как.

Никита кивает — идея кладовщика ему нравится, он и сам сделал бы так же.

— Все, я тебя услышал. Делай.

Никите хочется остаться одному и подумать. На складе все время что-то происходит: что-то ломается, что-то пропадает, то на кладовщицу упадет огромный моток веревки, а то сорвутся с креплений и раскатятся по всему залу черенки от лопат. Кажется, какой-то злой вредоносный полтергейст поселился в магазине. А теперь еще кражи начались.

В любом случае нужно посоветоваться с начальником охраны, решает Никита и набирает номер внутреннего телефона:

— Алексей Дмитриевич, зайдите ко мне.

Большой супермаркет — это настоящий город: со своими улицами, которые даже имеют названия, с перекрестками, площадями и закоулками и со своим собственным укладом. Населен этот город множеством самых разных людей. Именно что населен, потому как магазин открыт с девяти утра и до десяти вечера, без оглядки на закон о восьмичасовом рабочем дне. В бизнесе важнее удовлетворить нужды всех клиентов, а не законы соблюдать. Конечно, персонал работает с графиком «неделя через неделю», но Никита, как директор, обязан быть в магазине каждый день.

Впрочем, ходить ему больше и некуда.

— Добрый день, Никита Григорьевич.

Начальник охраны Важинский совершенно очевидно немного презирует нового директора. Никита подобные вещи всегда чувствует и Важинского сторонится, насколько это возможно в его положении.

Но вечно сторониться невозможно, а уж тем более в такой ситуации.

— У нас снова кража на складе. — Никита нервно стучит пальцами по столу. — Игорь сегодня начинает внеплановый переучет. Алексей Дмитриевич, я вас прошу выделить ему в помощь нескольких охранников. Я убежден, что это кто-то из наших сотрудников резвится прямо у нас перед носом, а такое положение вещей плохо сказывается и на бизнесе, и на микроклимате в коллективе, так что мне эти регулярные пропажи сильно не нравятся.

— Да кому же такое понравится, — хмыкает начальник охраны.

Никита поднимает глаза на Важинского. Молодой, очень плечистый мужик, с внимательными светло-зелеными глазами, мощной нижней челюстью и прямым носом, всегда гладко выбрит, темные волосы коротко подстрижены. В другое время и в другом месте они, возможно, стали бы если не друзьями, то уж точно приятелями. Но не здесь и не сейчас.

— А потому, пока Игорь делает переучет, нужно обеспечить ему безопасность.

— Понимаю, — кивает Важинский. — Думаю, тут вы абсолютно правы — берет кто-то свой. Но как он пронесит украденное через охрану? Я просмотрел все записи с камер слежения и ничего подозрительного не заметил.

— Принесите записи мне, я сам пересмотрю. Может, свежим взглядом увижу какую-то мелочь, которую вы пропустили, — говорит Никита, а сам с тоской думает о том, что вечером придется ехать домой.

— Может сработать, — соглашается Важинский. — Вот только вся эта вакханалия с трупами и прочим весельем... не способствует безопасности.

— Так надо усилить бдительность! — Никита снова начинает раздражаться. — Никто не говорил, что будет легко. Самое главное — больше такого ни у ко-

го нет! Акция уже разрекламирована, и на попятную идти поздно.

Действительно, *такого* нет ни в одном магазине. Кто бы еще додумался оформить торговый зал магазина инструментов в стиле «техасская резня бензопилой»? Манекены, изображающие висельников: милости просим в секцию тросов, веревок и крепежей. Бедолаги с отрубленными конечностями: пожалуйста, секция пил — тут тебе и бензопилы разные, и «болгарки», и циркулярные пилы. Выглядят искусственные конечности очень натурально. Опять же — хорошее напоминание о технике безопасности.

— Так-то оно так... Ладно, я прямо сейчас двоих направлю к Игорю. Пусть присматривают, да и подсобят, если что. На складе-то девчонки в основном, мужские руки не лишние будут.

Важинский уходит, а Никита выглядывает в зал. До открытия магазина остается меньше часа, сотрудники спешно приводят торговые помещения в состояние идеальной готовности под руководством вездесущей Лепехиной. Ее восторженный нетерпеливый голос слышен, кажется, одновременно во всех уголках магазина. После открытия времени на устранение недоработок уже не будет, только успевай поворачиваться.

Никита спускается вниз и идет вдоль стеллажей. Супермаркет занимает очень большую площадь: перед центральным входом стоянка для покупателей на две тысячи автомобилей; такая же с обратной стороны — подъездные пути для поставщиков: огромные рампы, на которые сгружается и принимается товар, стоянка для электрокаров, небольшой кран, помогающий в разгрузке громоздких и тяжелых предметов; плюс торговые залы и складские помещения. Несколько десятков тысяч квадратных метров. Хозяйство, в котором Никита уже разобрался. Не без сложностей, но все же дело знакомое.

— Никита Григорьевич, мы уже закончили.

Лепехина подскакивает к нему с ворохом мохнатых пауков, угрожающе шевелящих резиновыми лапками. Ее карие глаза весело и задорно блестят, ей вся эта суета заметно нравится. Никита думает о том, что человек губит свой основной талант, зря занимаясь работой, которая не доставляет радости. В старшем менеджере умирает талантливый декоратор и организатор праздников. Потому вся эта праздничная вакханалия так и радуется девушку.

— К Хеллоуину у нас вообще очень неоднозначное отношение... — задумчиво говорит Никита, понимая, что сам он альтернативной идеи так и не предложил. — Кто знает, как будет...

— Да ладно, Никита Григорьевич, это же весело! — Лепехина протягивает ему мохнатого паука. — Будут конкурсы, а это призы для детишек такие.

Для детишек — это значит для малышей, которых родители оставляют в игровой комнате, пока сами бродят по улицам строительного города. Игровая оформлена в ярких чистых тонах. Маленькие столики из разноцветного пластика, мячики, пирамидки, разноцветные мелки и пластилин и прочие штуки, которыми можно развлечь маленьких гостей.

Мысль о том, что жутковатые пауки станут призами для детей, кажется Никите не слишком удачной.

— Дети их испугаются, — сомневается он.

— Нет, что вы! — Лепехина смеется. — Дети будут от них в полном восторге. Вы сами посмотрите, какие они милые! — и протягивает ему очередного паука.

Никита никогда не страдал арахнофобией, но от вида шевелящихся лапок ему становится не по себе.

— Обязательно возьмите одного!

Лепехина настойчиво сует паука Никите, который только усилием воли не отдергивает руку. Но паук неожиданно оказывается очень приятным на ощупь. Пушистое тельце сделано из нежного черного меха. Напоминает шапку-ушанку из его детства, думает Никита. К черному тельцу прилагается улыбающаяся-

ся мордаха. И шевелящиеся конечности паука уже не кажутся такими страшными. Игрушка, приятная на ощупь и забавная. Лепехина права: детям она вряд ли покажется страшной.

— Вы правы, Аня. Затея хорошая, и пауки симпатичные. Пожалуй, возьму этого для мамы.

— А я вам говорила! — смеется Лепехина и бежит дальше по своим праздничным делам.

Никита идет к кассам и некоторое время внимательно наблюдает за кассирами, готовящимися принимать покупателей.

Затем возвращается в торговый зал, к бесконечным рядам стеллажей, заполненных всем, что только может понадобиться в хозяйстве: от самых мелких гаек и гвоздиков до огромных панелей, из которых можно соорудить садовый домик.

В одном из проходов на возвышении стоит генератор. Из-под помоста торчат чьи-то ноги. Ненстоящие, но очень натурально сведенные предсмертной судорогой. Верхняя часть манекена, лицо которого не менее натурально искажено страданием, обнаруживается с другой стороны. Смысл инсталляции очевиден: человек полез под генератор и был раздавлен сорвавшейся с креплений машиной.

На стеллажах вокруг «арт-объекта» богатейший ассортимент креплений. От самых маленьких до серьезных промышленных деталей, способных выдержать не только вес пресловутого генератора, но и гораздо больший. Опять же посыл совершенно ясен: покупайте крепления в нашем магазине, и вас минует участь раздавленного бедолаги.

«Молодчина Анна! — Никита вертит в руках пушистого паука. — Это же надо такое придумать!»

Никита с уважением относится к людям креативным и увлеченным своим делом. Даже если их идеи такого свойства, как у Лепехиной.

Пирамиды из ухмыляющихся тычков и пластиковых черепов, разного размера пауки, свисающие

на нитях с полок и стеллажей, ведьма на метле, кружащая под потолком в секции светильников. Плюс персонал, одетый в оранжевые футболки с черными летучими мышами на груди.

Никита наблюдает, как первые потоки покупателей вливаются в зал. Люди с интересом рассматривают оформление зала и коридоров между стеллажами. Смеются, живо обсуждают и фотографируют декор.

Конечно, многие из них пришли сюда просто привлеченные рекламой. Но и для таких зевак есть целый отдел с разной мелочовкой: шкатулками, статуэтками, ароматическими свечами, оригинальными кухонными штучками и прочей милой ерундой, которая вовсе не является необходимой, но которую так приятно принести домой, чтобы украсить свою жизнь.

Убедившись, что отлаженный механизм работает как надо, Никита вздыхает и возвращается в кабинет, где его ждут документы, переданные на подпись бухгалтером и юристом. А еще нужно перепроверить заказы поставщикам, и обратить внимание на складской учет, и...

Да много чего он должен успеть сделать, держа при этом в голове ревизию на складе. И стоило бы разобраться в причинах иррациональной антипатии к Игорю Недзвецкому. Вроде вполне компетентный сотрудник, радеющий за вверенный ему склад, и человек он тихий, вполне безобидный, а вот поди ж ты.

Никита проверяет почту — никаких личных писем, и скайп молчит. Иногда Никите кажется, будто он вышел в открытый космос, оторвался от корабля и летит в неведомую пустоту, ощущая при этом абсолютное одиночество.

Еще полгода назад у него было все: семья, друзья, любимая работа и квартира, куда он после работы с удовольствием возвращался и где ждала его Чер-

ри — Вишенка, красивая веселая жена с удивительным именем Габриэлла, которая почти два года делала его самым счастливым человеком на свете.

Никита познакомился с ней в компании общих друзей. И потом даже не мог вспомнить, кто привел эту девушку, потому что с того самого момента, как он ее увидел, все остальное потеряло значение. Он сходил с ума от одного взгляда на ее ладную фигурку, от ее длинных ног и хрупких плечиков, а от запаха ее смугловатой кожи у него кружилась голова. Глаза Вишенки смотрели доверчиво и ясно, и хотелось защитить ее от всего мира.

Но защищать Вишенку не требовалось: ее сразу полюбили все, ее нельзя было не любить.

Они очень скоро начали жить вместе, но Никите этого было мало — он хотел, чтобы Вишенка принадлежала только ему одному. Она не рассказывала о себе, и он не спрашивал, уважая ее личное пространство. И даже на их скромной свадьбе не было родственников со стороны невесты. А на осторожные вопросы Никитиной мамы Вишенка ответила уклончиво: нет, мол, близких, бывает и так. И Никите это не показалось странным ни тогда, ни после.

Вишенка оказалась примерной женой. Она не жаждала карьеры, целиком посвятив себя обустройству их совместного быта. Большая пятикомнатная квартира в центре столицы принадлежала когда-то отцу Никиты, генералу армии. Но отец умер за полтора года до знакомства Никиты с Вишенкой, а после их свадьбы мама решила переехать в Александровск, поближе к своей маме, Никитиной бабушке.

Никита понимал, что мать просто не может жить в этой квартире, где больше не звучит голос отца, не может видеть его кабинет, спать на их общей кровати. Вот не может, и все! И видеть, как Никита и Вишенка со всем пылом безрассудной юности переделывают квартиру, разрушая то, что создавала

она, было выше ее сил. Но мать Никиты была мудрой женщиной и не хотела мешать молодым в их стремлении обустроиться по-своему.

И она уехала. А Никита позволил ей уехать — бабушка действительно нуждалась в помощи. Но когда через полгода бабушка умерла, мать не вернулась. Осталась в Александровске, устроилась на работу в городскую библиотеку, хотя нужды в этом не было — Никита посылал ей деньги, но она хотела работать, лишь бы не быть одной.

А он жил в столице. Интересной насыщенной жизнью. У него была работа в крупной компании, где совещания происходили по скайпу — с Нью-Йорком, Токио, Парижем. А дома его ждала Вишенка, которая руководила грандиозным ремонтом, с упоением выбирая обои, кафель, паркет, создавая их собственный уют.

Они отделились от прежней компании, обзавелись своими, им одним понятными шутками и фразочками «для двоих», имеющими особый тайный смысл. Никита начал всерьез думать о том, что пора бы завести ребенка.

Спустя полтора года совместной жизни у него все так же кружилась голова от одного запаха красноватых кудрявых волос Вишенки. Правда, из-за ремонта Вишенка частенько ходила с синяками: она то и дело на что-то натыкалась, неловко падала, а однажды поскользнулась в ванной и ударилась о дверной косяк так сильно, что неделю не могла выйти из дома. Никита тогда не на шутку встревожился и хотел отвезти жену к врачу, но она, смеясь и морщась от боли, говорила: стыдно беспокоить занятых людей из-за какого-то синяка, полученного исключительно в результате собственной неуклюжести.

Сейчас Никита и сам не понимал, почему он не замечал очевидного. Как могла его Вишенка, умевшая танцевать словно фея — почти не касаясь земли, быть такой неуклюжей?